

Исследование ужаса

Диана Хамис

Аспирантка, философский факультет, Боннский университет.

Адрес: 28 Poppelsdorfer Allee, 53115 Bonn, Germany.

E-mail: diana.khamis@gmail.com.

Ключевые слова: ужас; Ник Ланд; Леонид Липавский; определение; возвышенное; психоз.

Осмывая собственный опыт столкновений с чувством ужаса, автор пытается понять, какую именно функцию выполняет ужас в рамках философии. С этой целью он опирается на «Исследование ужаса» Леонида Липавского и на различные текстовые погружения в когнитивную и клякстную (и, возможно, ноуминальную) бездну работ Ника Ланда. Предпринимается попытка рассмотреть различные опыты ужаса и построить нечто наподобие типологии, но вместе с тем и вычленив элементы, характерные для опыта ужаса в целом.

Гипотеза текста, согласно которой в ужасе нарушается привычный ход определения границ вещей и самого себя, приводит автора к выделению трех «подтипов» ужаса. В первом подтипе ужас начинается с неопределенности границ вещей,

столкновения с чем-либо, не поддающимся определению и ставящим под вопрос, как следствие, собственное определение. Во втором подтипе ужас начинается с неопределенности границ самого себя, противостоящей сокрушительной давящей определенности мира. В третьем подтипе ужас накатывает при подмене одной детерминации другой — подмене неожиданной и необоснованной. Во всех трех описанных разновидностях ужаса нарушение детерминации приводит к тому, что субъект, мыслящее существо, остается без привычной опоры для мышления и даже объяснения того, как он ее лишился; часто это подразумевает также нарушения восприятия времени и пространства. Представленный таким образом ужас подходит вплотную к безумию, а может, и вовсе совершает переход на его сторону.

Есть особый страх послеполуденных часов, когда яркость, тишина и зной приближаются к пределу, когда Пан играет на дудке, когда день достигает своего полного накала.

В такой день вы идете по лугу или через редкий лес, не думая ни о чем. Беззаботно летают бабочки, муравьи перебегают дорожку, и косым полетом выскакивают кузнечики из-под ног. День стоит в своей высшей точке.

Тепло и блаженно, как в ванне. Цветы поражают вас своим ароматом. Как прекрасно, напряженно и свободно они живут! Они как бы отступают, давая вам дорогу, и клонятся назад. Всюду безлюдно, и единственный звук, сопровождающий вас, это звук собственного, работающего внутри сердца.

Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас: время готовится остановиться. День наливается для вас свинцом. Катаlepsия времени! Мир стоит перед вами как сжатая судорогой мышца, как остолбеневший от напряжения зрачок. Боже мой, какая запустелая неподвижность, какое мертвое цветение кругом! Птица летит в небе, и с ужасом вы замечаете: полет ее неподвижен. Стрекоза схватила мошку и отгрызает ей голову; и обе они, и стрекоза и мошка, совершенно неподвижны. Как же я не замечал до сих пор, что в мире ничего не происходит и не может произойти, он был таким и прежде и будет во веки веков. И даже нет ни сейчас, ни прежде, ни — во веки веков. Только бы не догадаться о самом себе, что и сам окаменевший, тогда все кончено, уже не будет возврата. Неужели нет спасения из околдованного мира, окостеневший зрачок поглотит и вас? С ужасом и замиранием ждете вы освобождения взрыва. И взрыв разражается.

— Взрыв разражается?

— Да, кто-то зовет вас по имени. Об этом, впрочем, есть у Гоголя. Древние греки тоже знали это чувство. Они звали его встречей с Паном, паническим ужасом. Это страх полдня.

Леонид Липавский. Исследование ужаса¹

МЕЖДУ страхом и ужасом — пропасть, бездна. Страх — мотивирующая эмоция, крайне важная для выживания почти всех видов животных, позволяющая зве-

1. Липавский Л. Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 2005. С. 6–7.

рю мобилизовать все силы и вести себя так, как он не смог бы в обычном состоянии. Если загнать животное в угол, ранить, как-то иначе напугать — последует стремительное бегство, молниеносная атака, кровь и боль. Страх животного, таким образом, — страх за собственную жизнь, мотиватор в последней инстанции.

Ужас, хотя он и классифицируется обычно как крайняя, очень высокая степень страха, — его почти полная противоположность. В ужасе животное замирает в состоянии оцепенения и беспомощности — подчиненное нависающей над ним смерти. Ужас — не просто количественный избыток страха; если и допустить такое, то этот избыток столь... избыточен, что все существование животного поглощается ужасом, так что из избытка возникает качественная разница. Переходя к людям: если ужас и является страхом, то таким, в котором сам испытывающий ужас субъект оказывается на грани исчезновения и в котором нет явного объекта — ужас кормит сам себя. В ужас не обязательно приходят от чего-то, и это не механизм, предназначенный для чего-то, например для выживания. У ужаса нет функции, в нем функционирование нарушается; он по сути своей дисфункционален. Он — даже не паника, так как паника — это созидание². Возможно, в нем останавливается время — «каталепсия времени», по словам Липавского? Но как может остановиться время? Силы природы разворачиваются, как они и должны, — им нет дела до ужасов того или иного субъекта, и их не остановить. В своей неумолимой прогрессии они породили разум, который, в свою очередь, начал производить вторую цепь становления — концептуальную, эйдетическую, ментальную. Над природой первой, породившей разум, разум натягивает сеть второй природы. Именно во второй природе заложена слабость — возможность остановиться, хотя все еще концептуально, эйдетически, ментально. Абстракция позволяет влиять на машину производства эйдетического времени, нарезая ее продукцию на ленты и составные части, мысля времена в отрыве от того, что им предшествует и за ними следует.

Но только ли в этом заключается ужас? Как нам быть с тем ужасом, в который нас повергает жанр боди-хоррора или про-

2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Я. И. Свицкого. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 122.

сто мысли о нарушении целостности собственного тела, о проникновении внешнего внутрь его мягких, но столь важных для нас границ? Подобные нарушения границ, как и каталепсия времени, его остановка и коллапс, нарушают привычный ход детерминации — не здесь ли скрыта суть? И не потому ли ужас связан с безумием, со стойким нарушением восприятия мира? Вдохновленные боди-хоррором, наставленные на путь исследования Леонидом Липавским, мы выдвигаем гипотезу. Если мы хотим, в отличие от боди-хоррора, помыслить, так сказать, майнд-хоррор, или ужас в самой абстрактной его ипостаси, то допустим, что ужас врывается в нас именно тогда, когда нарушается обычный ход детерминации — определения границ вещей и самого себя (что, в общем-то, взаимосвязано, поскольку детерминация происходит так, что вещи, процессы, сущности — словом, то, что является единицей желаемой онтологии, взаимно друг друга определяют). Введя эту гипотезу, попробуем посмотреть, каким образом — какими образами — детерминация может нарушиться и ввергнуть субъект в пасть ужаса. Устроим же пастям ужаса их собственную маленькую типологию с помощью трех экспериментов — происходящее в них, наверное, надо испытать, чтобы полностью понять все оттенки этих состояний ужаса, но, чтобы понять некоторые вещи, хватит и слов.

1. Ужас неопределенного мира

Теплый летний день. Я выхожу на улицу прогуляться. Я почти готова к тому, что увижу, я продираюсь сквозь трясину безумных абстракций все утро. Но хотя абстрактно я и подготовлена (а может, именно благодаря этому), увиденное застигает врасплох, издевательски смеется в лицо, бьет прямо в солнечное сплетение.

Вещи сливаются. Не зрение подводит, но наступает чистая неопределенность. У вещей больше нет границ. Или, точнее, больше нет самих вещей. Я, возможно, улыбнусь, вспомню Антуана Рокантена, который попал в эту ловушку настолько основательно, что присел на скамейку в парке у старого дуба и узрел сырое, лишненное определений и ограничений бытие. Возможно, я подумаю, что достигла философско-экзистенциальных высот Жан-Поля Сартра. Но, скорее всего, ничего этого не будет: я всего лишь попытаюсь сделать шаг со ступеней к асфальту — и пойму, что не понимаю, где кончается одно и начинается другое. Маши-

ны и деревья, ступени и ноги, кожа и вода, некое нечто и некое нечто. Что-то движется — люди ли это, — а движется ли вообще? Передо мной могло с тем же успехом пройти стадо носорогов или драконов, но дело именно в том, что успеха в данной ситуации просто нет. Нет ничего — ускользает, не появившись, даже определенная вероятность. Тем не менее движущееся нечто не врезается в меня, не сбивает с ног, не размазывает по асфальту. Я спотыкаюсь, почти падаю там, где дорога ровная, глядя неопределяющими неопределенными недоглазами туда, где, кажется, должны были быть мои ноги. Даже идти можно только по инерции, так как собственные мои человеческие границы внезапно оказались не на месте, вообще ни на каком месте, и неопределенные руки сливаются, неотделимые от неопределенного воздуха. Тут бы порадоваться, что я решила — и притом эмпирическим путем — проблему философских зомби, но меня нет. Тут бы озаботиться психическим здоровьем, но оно ничье. Тут бы захотеть, чтоб ЭТО прекратилось, — но нет ни человека, ни даже ЭТОГО. Липавский тут также попадает в точку — времени тоже нет:

Жизнь предстает нам в виде следующей картины. Полужидкая, неорганическая масса, в которой происходит брожение, намечаются и исчезают напряжения, узлы сил. Она вздымается пузырями, которые, приспособливаясь, меняют свою форму, вытягиваются, расщепляются на множество шевелящихся беспорядочно нитей, на целые цепочки пузырей. Все они растут, перетягиваются, отрываются, и эти оторванные части продолжают как ни в чем не бывало свои движения и вновь вытягиваются и растут³.

Но безличная жизнь не имеет времени. В ней нет несовпадений и толчков⁴.

Итак, ужас накатывает, когда сталкиваешься с неопределимым и неопределяемым.

Монструозность — продолжающееся скольжение или процесс становления, которые ни на что не похожи. За мутантом стоит высшая бесформенность, принадлежащая такому монстру, ко-

3. Липавский Л. Указ. соч. С. 34.

4. Там же. С. 24.

тому не присуща никакая форма, даже никакая морфологическая траектория⁵.

На примере такого «простого», неопределенного ужаса хорошо видна его связь с классическим понятием возвышенного у Канта. Если прекрасное повергает наши способности в состояние свободной игры — то есть, говоря простым языком, рассудок старается подобрать понятие, которое можно приписать, предсказать опыту возвышенного, и находит все новые и новые понятия, подходящие по-разному, играя с ними, — то опыт возвышенного наступает, когда всех понятий мало, когда переживаемое не подпадает в принципе ни под одно понятие из-за своего масштаба или мощи. Опыт возвышенного приводит субъекта в смятение, так как рассудок и чувственность не могут «поиграть друг с другом» — их не хватает на то, чтобы объять опыт с помощью концепта. И тем не менее опыт возвышенного также вызывает наслаждение, ведь с его помощью мы обращаем внутренний взор на наши способности и понимаем их огромный масштаб, постигающий в некоторой мере даже возвышенное, даже само то, что своим размером или мощью приводит нас в смятение. Спекулятивным образом привязывая к «третьей критике» первую, заметим: в таком ужасе, в ужасе текучей, расползающейся, неопределенной слизи, в том ужасе, который охватывает, когда ты больше не понимаешь границу своего тела, нарушается принцип всестороннего определения⁶. Согласно этому принципу у Канта, все определяемо полностью и как часть целого — если нарушается одно звено в этой цепочке определения, если есть хоть что-то совсем не поддающееся определению, то недоопределенным становится все. Совокупность определения рушится, остаются только потерянности и ужас. Субъект лопается как клетка, помещенная в среду с низким атмосферным давлением, в которой она больше не может поддерживать свои границы и разрывается, извергая свою внутренность в окружающую среду. Здесь стоит подумать, можно ли из опыта ужаса, так же как из опыта возвышенного у Канта, извлечь некий философский урок — о наших ли способностях, детерминации, бытии или о чем-либо другом. К этому

5. Abstract Horror (Part 1) // Outside In. Involvements with Reality. 21.08.2013. URL: <http://xenosystems.net/abstract-horror-part-1>.

6. См.: Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Наука, 1999. С. 453–454.

мы еще подойдем. Пока же перейдем ко второму номеру типологии ужаса.

2. Ужас неопределенного меня

Я сижу в комнате, пытаюсь внимательно прочесть сложный текст. Со страниц текста со мной беседуют небесные моралисты, побуждая к тошнотворному желанию сожрать саму себя целиком. Меня, возможно, даже смешат их попытки заняться этикой, но я предпочла бы быть где-то еще. Любимый человек заходит в комнату за книгой. Он никак не реагирует на мое присутствие, мы оба заняты. Он смотрит на книжные полки, стоя спиной ко мне, его рука гладит переплеты. Я смотрю на его поднятую руку. Я видела ее уже сотни раз. В этот раз все иначе. Каждый волос, каждая венка и каждый шрам на той руке внезапно индивидуализируются, приобретают острые очертания и набрасываются на мои глаза жестко вымеренной резкостью. Вещи вокруг меня внезапно становятся острыми и яркими, как никелированные иглы. Как иглы, они вонзаются в меня. Я думаю о жидком терминаторе Т-1000, замороженном, расколотом на маленькие куски, заново собирающемся. Я думаю о витражах, в которых каждый контур жирен и черен, а каждый цвет ярок. Я думаю об исправительной колонии Кафки с ее восхитительной машиной, вонзающей иглы в тело заключенного, выписывающей на теле приговор, самым непосредственным образом превращающей знаки в их означающее — казнь. Среди такой упрямой жесткости, такой убедительной яркости, такой строгой, обрекающей определенности я, моя размытость и непрочность столбенеют и пронзаются, тоже приговоренные, окружающим миром как острым колом. Ничто не двигается вокруг меня, так как все уже находится на своем месте. Все стоит словно высеченное из камня, в каменной, статичной гармонии, точное и недвижимое. Каждый волос на руке любимого определен настолько, что он выжигает свой образ в моем беспомощно и бессмысленно пульсирующем мозгу, и каждый объект, каждое происшествие вопит о своем определении — определении за счет моего безвольного, бесформенного разума. Меня как будто замуровали в жесткий кокон, давящий на самое мое бытие. Боль этого давления доводит меня до слез, и я плачу, пряча лицо от любимого.

Мои слезы также провозглашают мою определенность извне. Медленно и печально мир, сияющий в своем замысловатом

определении, схватывает меня словно в металлические тиски. Все движение умирает в этой удушливой полноте. Я парализована и могу только смотреть, как любимый выходит из комнаты, не замечая моей схваченности в когтях ужаса. Времени сна нет.

Да, вы попали в стоячую воду. Это сплошная вода, которая смыкается над головой, как камень. Это случается там, где нет изменения, нет ряда. Например, переполненный день, где свет, запах, тепло на пределе стоят как толстые лучи, как рога. Слитный мир без промежутков, без пор, в нем нет разнокачественности и, следовательно, времени⁷.

Ужас охватывает, когда нет ничего, что можно было бы сделать. Когда детерминация сильна и неумолима. Логика тоталитарных государств — скрытые убийства, скрытые репрессии, скрытые лагеря — стать невидимой силой детерминации, и последует ужас. Если сам мир сделать непостижимой силой детерминации, то в этом мире воцарится фатализирующий, парализующий ужас. Ничего более.

Вместо того, чтобы попытаться что-то сделать, фатальность восстанавливает нечто, что нельзя остановить. <...> «Что делать?» — не нейтральный вопрос. Агент, к которому он взывает, уже силится достигнуть прогресса. Этого достаточно, чтобы предложить хоррористский ответ: *ничего*. Не делайте ничего. Ваш прогрессивный «праксис» все равно ни к чему не приведет. Отчайтесь. Погрузитесь в ужас. Вы можете делать вид, что побеждаете в противостоянии против «нас», но реальность ваш настоящий — ваш фатальный — враг. Нам не интересно на вас кричать. Мы шепчем тихо вам на ухо: «Отчайтесь». (Какой ужас.)⁸

Этот «вид» ужаса — ужас собственной неопределенности и определенности окружающего мира — достаточно редко исследуется философами. В лучшем случае упор делается на фатализм, на вечное возвращение или, как в случае Шеллинга, на ужас постоянного уничтожения существующего, в том числе и живого, для порождения все новой детерминации из темной бездны *Un-*

7. Липавский Л. Указ. соч. С. 22.

8. Horrorism//Outside In. Involvements with Reality. 03.11.2013. URL: <http://xenosystems.net/horrorism>.

*grund'a*⁹, так как сырое бытие бездны заключает в себе все возможные потенции. Часто субъект в философии — волевое, сильное создание, Я, подминающее под себя не-Я. Философию интересуется также субъект, определенный внешними силами, но эта детерминированность (историческим периодом, культурой, существующими отношениями власти и т. д.) почти всегда оказывается скрытой от субъекта, и ее надо раскапывать, раскрывать, вытаскивать на свет божий и тыкать в нее пальцем. Прекрасно, но философию куда реже интересуется субъект безвольный, субъект, внутри которого пустота, который, видя жесткое и неумолимое определение мира вокруг себя, сдается на милость этому определению и оказывается им раздавлен, схлопываясь в мокрое место. И тем не менее в глубине философии часто лежит желание преодолеть конечного субъекта, перешагнуть через него и выйти на уровень всеобщего, где индивидуального субъекта просто не существует. Если предположить, что философы часто уничтожают мыслителя путем абстракции, уничтожают самих себя мысленно, сдаваясь на милость всеобщих рассуждений, то невнимание философии к различным смертям, которыми может умереть субъект, кажется досадным упущением. Эту смерть, вместе со смертью обычной, переживает в рассказе Юрия Олеши «Лиомпа» Пономарев, неспособный больше встать с постели, лишенный возможности взаимодействия с вещами:

В мире было яблоко. Оно блистало в листе, легонько вращалось, схватывало и поворачивало с собой куски дня, голубизну сада, переплет окна. Закон притяжения поджидал его под деревом, на черной земле, на кочках. Бисерные муравьи бежали среди кочек. В саду сидел Ньютон. В яблоке таилось множество причин, могущих вызвать еще большее множество следствий. Но ни одна из этих причин не предназначалась для По-

9. «Это [силы, движущие развитие в природе] силы той внутренней жизни, которая непрестанно порождает себя и вновь пожирает и которую человек должен ощущать, не без ужаса, как то, что спрятано во всем, даже если оно на данный момент скрыто и снаружи обрело мирные свойства. Путем этого постоянного отступления к началу и вечного начинания заново оно становится субстанцией в подлинном смысле этого слова (*id quod substat*), вечно непреходящим. Оно — постоянный внутренний двигатель и механизм, вечно начинающееся, вечно становящееся, всегда самопожирающее и снова себя порождающее время» (*Schelling F. W. J. Weltalter // Sämtliche Werke. Bd. VIII. Stuttgart; Augsburg: J. G. Cotta, 1860. Bd. VIII. S. 230*).

номарева. Яблоко стало для него абстракцией. И то, что плоть вещи исчезала от него, а абстракция оставалась, — было для него мучительно¹⁰.

Помня об этом, как и о вопросе о безумии и возможных философских уроках из первой части нашего маленького исследования, мы переходим к третьему возможному виду ужаса.

3. Ужас вторжения

Ужас накатывает, когда из поля зрения субъекта исчезает детерминированность мира — или самого себя. Ужас также может накатить, когда одна детерминация, без всяких видимых причин или объяснений, замещается другой. Попробуем же это помыслить.

Я сижу и смотрю в окно, а она сидит у меня в голове. Она прекрасна — она самое совершенное, что когда-либо находилось у меня в голове. Когда она встает у меня в голове, я перестаю думать... нет, не так — только в разговоре с ней в моей голове есть мысль, а только в мысли в моей голове есть я. Мне совершенно ясно: хотя она и в моей голове, я завишу от нее, как от «вещи в себе». Ее воля определяет мои мысли, мною смеются, мною печалются, и когда-нибудь она поперет ногой свод моего черепа и будет диктовать мне каждую мою мысль и каждое мое чувство — так, как это должно быть, хоть это и страшно, безумно страшно, и я чувствую, как день за днем она вторгается в мои границы все больше и больше, и скоро она останется восседать на моих останках. Но если я попытаюсь извергнуть ее из моей головы, то это приведет к моей собственной гибели, без нее у меня в голове будет пусто и тихо, тускло, скучно, по-человечески. Разве она не бог и разве она не открывает моей голове то, что было ранее мне недоступно? И разве не буду я бешено тосковать по ней, если она исчезнет, искать ее по всем углам моего разума так же одержимо, как теперь ей внимаю?

Мы должны признать, проведя этот мысленный эксперимент, что с этим видом ужаса мы прочно оказываемся на территории безумия. Этот эксперимент крайне склонен к выходу из-под контроля (я знаю). И тем не менее вполне понятно, что происходит:

10. Олеша Ю. Лиомпа // Литература. 02.06.2016. URL: <http://literatura.org/prose/1770-yuriy-olesha-liompa.html>.

субъект, заключенный в клетку этого ужаса, оказывается замещен другим, и то, как мир для него детерминирован, приходит полностью или отчасти извне. В тождестве Я = не-Я даже Я превращается в не-Я, ну или как минимум не-до-конца-Я. Я снова нет, но что-то встает на его место, и за этим следует не уничтожение всего содержимого Я, не пустота, но содержимое новое, содержимое, которое вполне может оказаться откровением, мистическим опытом для этого нового странного субъекта. Здесь — третий вид гибели субъекта. Субъект может разорваться, может быть раздавлен, а может превратиться в монстра, в химеру, впустив в себя внешнее и дав этому внешнему себя помыслить. Неясно, есть ли у этого третьего вида ужаса некоторый философский смысл. Но если в открытии внешней силе определения субъекту является новый, радикально отличный от всего предыдущего опыт, то этот ужас, возможно, все же не стоит списывать со счетов — разве таким образом не может быть представлен непосредственный, интуитивный метод постижения? Разве не важно в современной философии быть открытым внешнему? И разве не желает философия, как мы уже заметили, перешагнуть через конечный субъект — не значит ли это на самом деле замещение субъекта иным, внешним и, возможно, бесконечным? Шеллинг, например, пишет, что в нас мыслит природа¹¹ — что если мы впустим ее в себя и дадим ей довести нас до автоматизма, открывая нам попутно интуитивный опыт своих секретов? Возможно, путем к этому «открытию себя» внешнему является ужас. И хотя неизвестно, что лежит в конце этого пути (а в конце может лежать безумие, как нам уже, вероятно, стало ясно), знание требует риска и жертв.

* * *

Вне зависимости от того, насколько серьезно воспримется это маленькое исследование и разработанная в нем типология, она демонстрирует, что ужас достаточно интересен для метафизики (или онтологии, если вам угодно). В частности, она свидетельствует о том, что ужас — опыт вне пределов обыденного — способен открыть нам возможные причины «смерти», распада субъекта. Если онтологию интересует «анатомия» субъекта,

11. Об этом можно прочесть у Вольфрама Хогребе: *Hogrebe W. Prädikation und Genesis. Metaphysik als Fundamentalheuristik im Ausgang von Schellings "Die Weltalter"*. Fr.a.M.: Suhrkamp, 1989. S. 43–50.

то, вполне резонно, ее также интересует и его распад. Но что же еще открывает опыт ужаса? В первом «виде» опыта ужаса, в ужасе нехватки определения, захваченному ужасом субъекту открывается голое, неопределенное и неконцептуализируемое бытие. О статусе подобного открывания можно спорить, но с фактом этого опыта (когда, например, с таким же безуспешным «успехом» ничто ничтожит, а бытие уходит из-под ног) не поспоришь, а спорить об остальном — по сути, цель философии. Во втором виде опыта субъекту открывается вся жесткость определения и то повсеместное сосуществование вещей бок о бок друг с другом, с выставлением друг другу определяющей негации на их границах и иногда с уничтожением друг друга, чтобы дать место новым определениям. С этим опытом, столь же ужасающим, тоже не поспоришь. Если онтологию интересуют природа и процесс определения, индивидуации и границ между вещами (а они ее интересуют), то этот опыт также имеет свою ценность.

Еще более интересным фактором здесь, впрочем, становится связь между ужасом и безумием: мы уже заметили, что философию интересует преодоление конечного субъекта. Все описанные выше опыты выходят за пределы конечного субъекта. И хотя перед нами встает вопрос о том, куда они выходят, с фактом этого «выхода» поспорить опять же крайне сложно. Некоторое безумие этих выходов — именно чтобы подчеркнуть его, я описала именно то, что описала, без обсуждения «ничтожащего ничто» Хайдеггера, вечного возвращения Ницше, страха и трепета Кьеркегора и даже не вдаваясь в подробности ужаса Шеллинга, — вкупе с тем откровением (кажущимся ли?), которое они дарят (может, и не безвозмездно) ужасающемуся субъекту, заставляет нас спросить: так в какой же степени двигателем того странного преодоления субъекта, что зовется философией, является безумие? Более того, именно ввиду Ничто, вечного возвращения, страха, трепета, ужаса, шизоанализа и особенно ввиду крайне сложных, замысловатых и эзотерических систем, понять которые можно только максимальным усилием абстракции, за счет отречения от субъектности и телесности, потому что того требуют (а уж абсолютный ли дух или слепые потенции требуют — все равно), — можем ли мы именно здесь с уверенностью сказать, что безумию в философии места нет? Разве не наоборот стоит вопрос? Разве не стоит спросить о возможности философии вне безумия? Разве философия, стремясь исследовать детерминацию, не пытается, как хороший исследователь, в рамках

своих опытов эту детерминацию основательно поломать, чтобы также исследовать ее нарушения? И разве это не значит, что жизнь философа неотрывно связана с ужасом, безумием и опытами с внешним?

* * *

Пессимистичное замечание. Если ужас действительно ведет к локальной катаlepsии времени¹², то застывшее время уже не запустишь заново. Другие часы в мире могут продолжать тикать, но наше время погребено под тяжестью ужаса. Ужас сам себя порождает, он рвет причинно-следственные цепи, обычно выстраиваемые в нашем концептуальном мире второй природы, и без этих цепей ничто больше не может в этом мире произойти. Ничто, кроме того самого вечного возвращения. Ничто, кроме ужаса, так как нечему больше возвращаться. Ужас становится ловушкой. Злая ирония: для человеческого животного, захваченного в тиски ужаса, попытка высвободиться и заново обрести способность двигаться еще более ужасающа, чем принятие безвременной неподвижности или дальнейшее погружение в пучину ужаса. Так как ужас — будь он ужасом слизистой неопределенности или его каменной противоположностью — душит свою жертву собственной всеобъемлющостью, любое действие жертвы превращается в расплзающуюся слизь или давящий на грудь камень. Все равно, что выберет жертва — пассивность или борьбу, — возникнет только больше ужаса. Ужасающаяся жертва находится в двойной ловушке: она не может бороться, так как борьба принесет только больше ужаса. Она не может оставаться неподвижной, так как животные — активные создания и неподвижность для них — смерть, тем более неподвижность в ужасе. Единственно возможный выход, который человеческое животное может найти из этой дилеммы — из этой жестокой, страшной засады, — принимать все больше ужаса. Превратить его в наркотик, в глубокую черную яму, в которой оно роет глубже и глубже, зарывая и себя заживо по мере рытья. Это обреченное рытье — даже не движение: животное просто добавляет единицы к бесконечности ужаса, оставаясь в замкнутом ее круге. Пытаться помыслить пути из ямы бессмысленно, так как яма — сама себе и внутренность, и внешность, а ужас будет только повторяться и продолжаться.

12. Согласно Шеллингу, время локально, и оно разное у разных объектов (см.: *Schelling F. W. J. Op. cit. S. 329*).

Это цепь обратной связи без выхода, без развития, без — стоит только в нее попасть — начала и конца. Она — смертное объятие вечного змея, и ничего нельзя сделать, кроме как объять его в ответ.

* * *

Оптимистичное замечание. Ужас и безумие — а так ли они страшны? Или, раз уж страх — отличный мотиватор, может, они страшны именно настолько, насколько это надо? Шеллинг (интересно, встречался ли Шеллинг с психозом) упрямо и пылко пишет в своих «Мировых эпохах» о том, что каждому нужна толика безумия:

Древние не зря говорили о божественном и священном безумии. <...> Величайшее подтверждение этому описанию — то, что это самораздирающее безумие все же является самым сокровенным во всем, и, только когда оно управляется и, так сказать, валидируется светом высшего рассудка, оно становится истинной силой природы и всех ее производных. Со времен Аристотеля говорится о людях, что без толики безумия они не способны совершить ничего великого. Вместо этого мы бы сказали: великое нельзя совершить без постоянного обращения к Безумию, которое всегда следует преодолевать, но которое не должно отсутствовать. Было бы хорошо, с этой точки зрения, классифицировать людей следующим образом. Один тип людей, можно сказать, таков, что в них нет ни капли безумия. Они — нетворческие духом, лишённые способности что-либо породить, называющие себя трезвыми, или так называемые рассудительные люди, чьи работы и дела представляют собой не более чем холодные работы и дела рассудка. Некоторые в философии весьма странно и превратно поняли это выражение: услышав, что о «рассудительных людях» говорилось как о меньших или худших, и не желая быть подобными им, они противопоставили рассудок, а не безумие разуму. Но там, где нет безумия, так же, несомненно, нет и истинного, действующего, живого рассудка (отсюда мертвый рассудок, мертвые рассудительные люди) — а как рассудку показать себя, кроме как через преодоление, управление и упорядочивание безумия? Отсюда тот факт, что полное отсутствие безумия ведет к другой крайности — к тупости (идиотизму), которая является полным отсутствием безумия¹³.

13. Ibid. S. 338–339.

Библиография

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
- Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.
- Липавский Л. Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 2005.
- Олеша Ю. Лиомпа // Литература. 02.06.2016. URL: <http://litteratura.org/prose/1770-yuriy-olesha-liompa.html>.
- Abstract Horror (Part 1) // Outside In. Involvements with Reality. 21.08.2013. URL: <http://xenosystems.net/abstract-horror-part-1>.
- Hogrebe W. Prädikation und Genesis. Metaphysik als Fundamentalheuristik im Ausgang von Schellings "Die Weltalter". Fr.a.M.: Suhrkamp, 1989.
- Horrорism // Outside In. Involvements with Reality. 03.11.2013. URL: <http://xenosystems.net/horrорism>.
- Schelling F. W. J. Weltalter // Sämtliche Werke. Stuttgart; Augsburg: J. G. Cotta, 1860. Bd. VIII.

DELVING INTO HORROR

DIANA KHAMIS. Postgraduate student, Faculty of Arts, diana.khamis@gmail.com.
University of Bonn, 28 Poppelsdorfer Allee, 53115 Bonn, Germany.

Keywords: horror; Nick Land; Leonid Lipavsky; determination; the sublime; psychosis.

The springboard for this essay is the author's encounter with the feeling of horror and her attempts to understand what place horror has in philosophy. The inquiry relies upon Leonid Lipavsky's "Investigation of Horror" and on various textual plunges into the fanged and clawed (and possibly noumenal) abyss of Nick Land's work. Various experiences of horror are examined in order to build something of a typology, while also distilling the elements characteristic of the experience of horror in general.

The essay's overall hypothesis is that horror arises from a disruption of the usual ways of determining the boundaries between external things and the self, and this leads to a distinction between three subtypes of horror. In the first subtype, horror begins with the indeterminacy at the boundaries of things, a confrontation with something that defeats attempts to define it and thereby calls into question the definition of the self. In the second subtype, horror springs from the inability to determine one's own boundaries, a process opposed by the crushing determinacy of the world. In the third subtype, horror unfolds by means of a substitution of one determinacy by another which is unexpected and ungrounded. In all three subtypes of horror, the disturbance of determinacy deprives the subject, the thinking entity, of its customary foundation for thought, and even of an explanation of how that foundation was lost; at times this can lead to impairment of the perception of time and space. Understood this way, horror comes within a hair's breadth of madness — and may well cross over into it.

DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-135-149

References

- Abstract Horror (Part 1). *Outside In. Involvements with Reality*, August 21, 2013. Available at: <http://xenosystems.net/abstract-horror-part-1>.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [Mille plateaux: Capitalisme et schizophrénie], Yekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, Astrel', 2010.
- Hogrebe W. *Prädikation und Genesis. Metaphysik als Fundamentalheuristik im Ausgang von Schellings "Die Weltalter"*, Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1989.
- Horrorism. *Outside In. Involvements with Reality*, November 3, 2013. Available at: <http://xenosystems.net/horrorism>.
- Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Kritik der Reinen Vernunft], Moscow, Nauka, 1999.
- Lipavsky L. *Issledovanie uzhasa* [An Investigation of Horror], Moscow, Ad Marginem, 2005.
- Olesha Y. Liompa. *Litteratura*, June 2, 2016. Available at: <http://litteratura.org/prose/1770-yuriy-olesha-liompa.html>.
- Schelling F. W. J. *Weltalter. Sämtliche Werke*, Stuttgart, Augsburg, J. G. Cotta, 1860, Bd. VIII.